

Тё Михаил Андреевич

г. Хабаровск, МАОУ «Политехнический лицей», 11 класс

Рецензия на спектакль «Школы драматического

искусства «Бесприданница», А. Н. Островский

Режиссер - Дмитрий Крымов, художник - Анна Кострикова

Отголоски мировой культуры, просачивающиеся в спектакль из музыки, кадров фильмов, реплик актёров – словно щупальца засасывают зрителей в трансформированную фантасмагорию по Островскому.

Дань художественному прошлому выражена уже в самом названии постановки – на смену мягкой, современной «с» пришла звонкая, дореволюционная «з». И это уважение, почитание культурного прошлого будет выражено не только в названии, но и в кадрах кинофильмов, мультфильмов, показанных на большом экране, расположенном на фанерной стене, установленной в глубине сцены (сценография Анна Кострикова). Для зрителей «фанерного кинотеатра» в несколько рядов выставлены группы старых облезлых сидений и фактурные венгерские стулья – избитый символ всего условно-театрального. Продолжением мотива театральности становится длинная вешалка (будто из афоризма Станиславского), тянущаяся от фанерной стены в зрительный зал, за пределы сценического портала (то есть выходящая за пределы художественного – чувствуется ирония или провокация, да?). Рабочим фоном экрана становится пейзаж набережной Волги в полуденном свете (художник по видео Елизавета Кешишева). Тени предметов и людей почти не падают на поверхность, создавая ощущение ирреальности происходящего. Из этого «цифрового» мира постепенно выходит вереница островских персонажей: Кнуров (Константин Муханов) в длинной, волочащейся шубе, с тростью, отстукивающей тяжеловесный железный ритм,

подстраивающий всех остальных под свой такт – хозяин здешней местности, который не интересуется волей других людей; Вася Вожеватов (Вадим Дубровин) в татарской шапочке, поигрывающий чечетками в доли стуков кнуровской трости, он с лукавыми лицом и кошачьей, заискивающей интонацией – демонстрирует своё пресмыкание перед Кнуровым, при этом хитрости он не лишен; Лариса Огудалова (Мария Смольникова) в наряде советской траурной женщины, отправившей мужа на войну: серая утеплённая шаль, окутанная вокруг головы, слегка укороченное пальто и черные туфли на коротком каблучке (в дальнейших сценах Лариса упомянет советский «синенький платочек», что только укрепит этот образ); вводит Крымов и сестёр Ларисы с мужьями: одна из девушек (Елизавета Юрьева) с проткнутой ножом грудью, обрѣкшаяся на гнев своего избранник-кавказца – читай «Кавказская пленница»; и травести-сестра (Кирилл Федоров), ассоциирующаяся с «В джазе только девушки», в сопровождении мужа-неиностранца (Сергей Назаров). Последним из экранной набережной выходит Карандышев (Максим Маминов), по-чаплински сопровождая свой бенефис комичными падениями. Входит в зал с невинно-наивной фразой «А чего ж это вы без света сидите!» - и перед нами будто появляется гайдаевский Шурик.

До прихода рокового избранника Огудаловой зрители смотрят футбольный матч – диктор сообщает о некой трагедии игрока Халида Балахруза. Трагедия (как можно узнать из новостей в Google) – это выкидыш у жены футболиста. И ведь не зря в финале Карандышев выстрелит своей возлюбленной ни в грудь, ни в голову, а именно в пах, как бы убивая несуществующего ребенка Огудаловой и Паратова (Евгений Старцев). Телевизионных болельщиков резко оглушает паровой гудок, сносящий всю одежду с петель гардероба и заодно стоящего Карандышева. Нарушается спокойная жизнь Бряхимова – комедизирует ситуацию реплика Вожеватова: «О, «Ласточка» приехала».

Лариса, оставшаяся наедине с Карандышевым, начинает стройную скороговорку перечисления видов грибов, от них переходит к пословицам и

поговоркам вперемешку с афоризмами и цитатами: тут и вышеупомнутый «Синий платочек», рифмующийся с её трагедией «потери» возлюбленного в лице Паратова; и финальная невысказанная фраза Карандышева: «Так не доставайся же ты никому!», и как бы прерывая возможно нарастающий пафос оговаривается поговоркой: «Ни себя, ни людям!»; тут же цитата чеховской Маши: «Эхма, жизнь малиновая, где наша не пропадала!», будто повторяющей судьбу Ларисы: нелюбимый возлюбленный Карандышев-Кулыгин, любимый возлюбленный Паратов-Вершинин и трагичное расставание; «Гусь ты мой сизокрылый» – переделка песни Пугачевой и отсылка на «умирающего лебедя», предвещающего гибель Ларисы в финале. Огудалова будто презентует свою судьбу перед зрителями, даёт ключи к разгадке её жизни и предвещая свою смерть еще в самом начале. Для Карандышева же это «старые привычки, которые нужно бросить». Следование тексту Островского подчеркивает его традиционность, замкнутость в собственном прошлом, наивность, преемственность, дань чести авторитетам и гениям прошлого. Лариса ставит точку в веренице цитат и топает туфелькой по сцене так, что Карандышеву приходится чинить её обувь и иронично готовить для самого себя каблук. Неготовая к приближающейся женитьбе, Лариса решает зачитать список своих недостатков – по сути бесконечный список причин невыгоды её как жены, он ещё придёт в финале спектакля, но в уже измененном восприятии.

«На теплоходе музыка играет» Зарубиной сопровождает первый выход Паратова, который сразу задаёт его эпатажный тон – бушлат, накинутый на голое тело. В течение нескольких минут он бойко и уверенно рассказывает зрителям о всех тонкостях устройства парохода, представляя перед залом экспертом, захватывая харизмой умелого балаболизма благородных слушателей. Крымов как бы объясняет причины легкомысленности Ларисы – почему же она так верит своему бывшему, который однажды её уже предал.

Второе появление – свидание с Ларисой: в красных подтяжках, белой рубашке, классических брюках, зачесом и с тонкими усиками явится перед

нами в образе Кларка Гейбла, утверждая свою безграничную харизму и будто забирая титул Кларка «король Голливуда». Подтверждение этому образу будет чуть позже, когда на экране начнут мелькать кинокадры (в том числе и сцены Ретта Батлера из «Унесенных ветром»). Тут и ярче заиграет фраза «Честно говоря, моя дорогая, мне наплевать», много говорящая об любовных играх Паратова с Ларисой.

Продолжая череду попсовых песен, Крымов создаёт забавную рифму фамилий – Лариса поёт под фонограмму «Звездочки» Агузаровой (это первое из трех выступлений с этой песней в спектакле). Сначала оно проводится за закрытыми жалюзи, нацепленными на экран, без живого голоса Ларисы, с эффектным рыжим париком и эпатажным бархатным зелёным платьем.

Следующий перформанс Огу(дал)ова начинает уже перед Паратовым, как бы обнажая ранее скрываемое стыдное занятие, некое «guilty pleasure». Тут уже и пропадает голос Агузаровой, оставляя место только для живого звука Марии Смольниковой. К всему этому актриса просит зрителей представить на ней эффектный наряд, пока сама стоит в будничном. Теперь она не сковывается за фонограммой, а встаёт на фоне сильно изувеченной набережной Волги, напоминающей картину «Крик» Мунка. Инфернальный фон к концу вовсе становится кровавым месивом, остерегая новоявленную певицу о близкой кончине.

Последнее предсмертное выступление перед всеми персонажами. Теперь голоса Огудаловой и Агузаровой сливаются воедино – театральное, ненастоящее, попсовое, «фанерное» сливается с настоящим, кривым, писклявым, а главное искренним и поэтому трагичным.

Красный инфернальный цвет на набережной еще встретит нас в самом финале, а пока изображение сменяется на несколько записей с камер видеонаблюдения, снимающих закулисы – как раз здесь, в реальном, за пределами театрального, и происходит измена, проявляются настоящие чувства Огудаловой. Тут же продолжается Карандышевская наивность – перематывая снова и снова запись камер, он стоит с детским шампанским в

руках и старательно не замечает измену, заостря внимание лишь на ржавых трубах, захваченных объективом одной из камер. Между перемотками записи возникают те самые сцены с Реттом Батлером; футбольным матчем; кадрами из «Льва Бонифация», предваряя цирковую тему и фокусы, демонстрируемые Ларисой в финале; резкий крик Анны Сергеевны из «Бриллиантовой руки» которая «оправдывается» за Огудалову и кричит «Не виноватая я, он сам пришёл!»; Чарли Чаплин, как частичка от образа Карандышева и наконец бесконечно повторяющийся кусок видео, где Паратов набрасывается на Огудалову в гримерке. Монолог «смешного человека» Карандышева становится оправданием самого себя, побегом от реальности, где невеста изменила ему. Он обвиняет в преступности всех окружающих, в том числе и зрителей, во-первых, объединяя пространства зала и сцены, а во-вторых, создавая ситуация на сцене Карандышев - Остальные, сильнее отрывая себя от действительности. Тут-то и начинается его отреченное состояние, которое будет длиться до финала.

Возвращенные из-за кулис любовники в неловком молчании занимаются своими делами: Паратов собирается к отплытию судна, а Лариса, обвиваясь вокруг тела возлюбленного, зачитывает список, который уже перечисляла Карандышеву. Список, который в начале был перечислением всех ее недостатков, становится искренним признанием своих слабостей. Эта честность повышает градус трагедийности, уже много раз предзнаменованной смерти. Еще одна деталь, вызывающая сочувствие к героине – у Паратова на шее обручальное кольцо, а у Огудаловой прострелянная монета, оставленная в память опасному для её жизни трюку.

Чтобы освободиться от плена возлюбленной, Паратов демонстрирует е кольцо. Разочарованное лицо Огудаловой, а затем реплика Кнурова: «Смотрите, кажется сейчас драма начинается» – она резко переключает регистр восприятие постановки от фарсового к трагедийному. В то же время «драма», упомянутая Кнуровым — театральное действие, на которое собираются посмотреть все действующие лица, садясь на стулья вокруг

парочки. С фразой Мокия Пармёныча, Лариса срывает накладные усы с Паратова, разоблачая условность и весь театр, разыгрываемый перед ней.

Эпизод «Последняя надежда» обозначается репликами Вожеватова и Кнурова, разыгрывающих девушку в «орлянку». «Птичье» название игры кочует в видео-отрывок «Умиряющего лебедя», рифмуясь с переименованной уже высказанной цитатой «Гусь ты мой сизокрылый!». В это время, на переднем плане возвышается Кнуров, поглощающий своей бесконечной шубой Ларису и уносящей её в Париж. Не дав себя в руки старику, Лариса цепляется за свою последнюю надежду – Вожеватова и проползая по коленям зрителей-артистов, одновременно читает монолог Островского «Я вещь, а не человек» и издевательской интонацией стих Цветаевой «Реквием» - исповедуясь и признаваясь в своей безвольности. Прерывая трагедийную линию, убегает в уборную, которая мило подписана «Сартр», со вставленной буквой «и». И продолжает читать стих уже без прежнего пафоса, перерванным уединением в санузле.

Эта буффонада, разыгрываемая перед персонажами, идёт к заключительному смертельному номеру, последнему фокусу Ларисы – повторение трюка с простреленной Паратовым монеткой. Из объединенного ранее Карандышевым зала Лариса забирает у случайного зрителя монетку и сообщает, что уже её не вернет. Мария Смольникова с лицом полного отчаяния, понимания гибельности фокуса и ироничной улыбкой спрашивает: «Вы же читали пьесу?» - этим постмодернистским приемом уже полностью обрывая то воссоздаваемое художественное в спектакле. Девушка просит ничего не понимающего, отреченного Карандышева помочь с фокусом и, подходя к стене, возносит монетку над головой. Выстрел же попадает ровно в пах. Красное пятно растекается по белоснежному белью Ларисы, та будто подхваченная чем-то невидимым взлетает на метр в воздух и опускается обратно, падая навзничь.

Все постепенно уходят со сцены, в дверь, за экран. Последним из первой реальности в цифровую уходит Карандышев, идёт он навстречу медленно

опускающемуся алому солнцу, как герой «Неуловимых мстителей». Само алое солнце одновременно перешло с кровавой картины, сопровождающей предпоследнее выступление Огудаловой, и также перенеслось кровавым пятном с белья погибшей девушки, повторившей судьбу жены знаменитого голландского футболиста Халида Булахруза. Так Крымов оставляет зрителей наедине с отголосками цитат, пословиц, афоризмов и медленно опускающимся солнцем, напоминающем о тонкой грани между театром и реальностью.